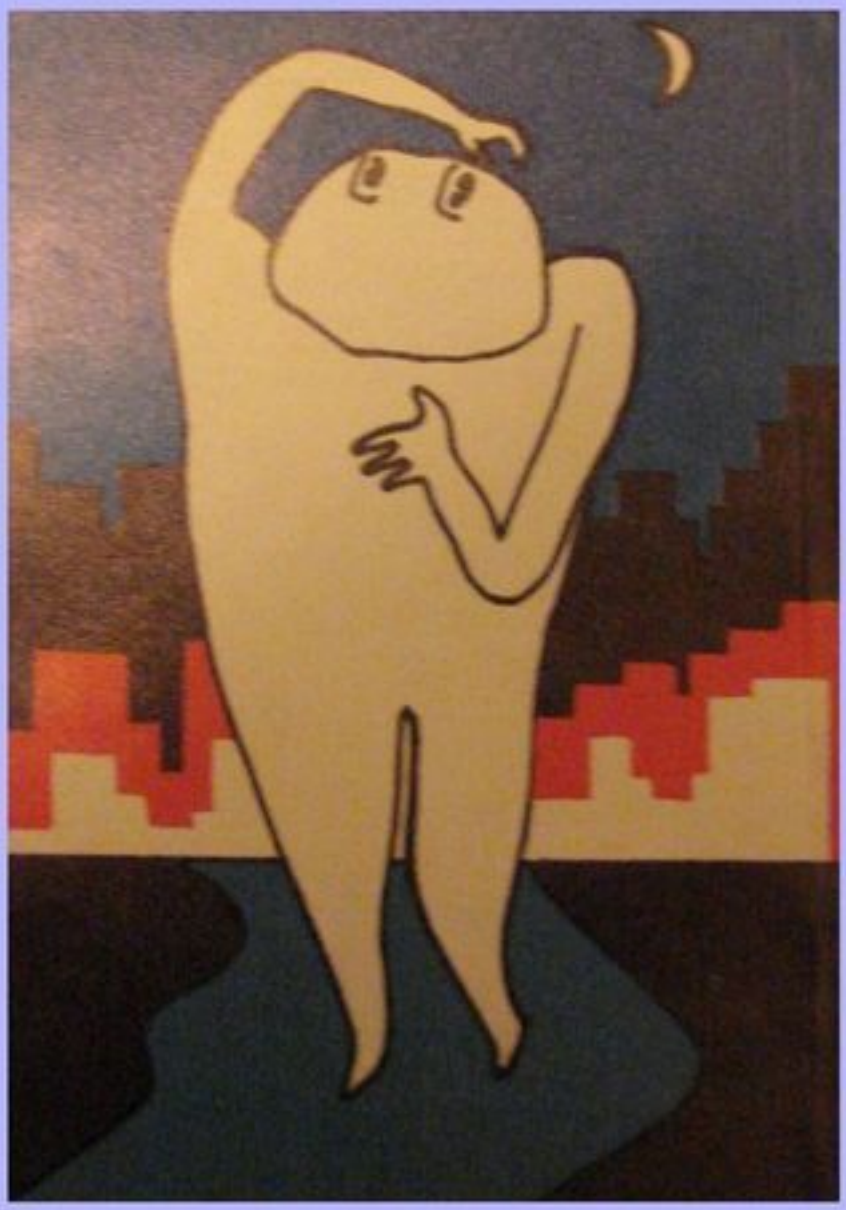
Виктор Кротов

Этюды о непонятном

Сборник эссе



Виктор Кротов

Этюды о непонятном. Сборник эссе

«Издательские решения»

Кротов В. Г.

Этюды о непонятном. Сборник эссе / В. Г. Кротов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832821-3

Сборник эссе на различные темы, связанные со стремлением человека понять самого себя и окружающую жизнь. Один из разделов посвящён воспоминаниям детства.

ISBN 978-5-44-832821-3

© Кротов В. Г.
© Издательские решения

Содержание

От бумажного издания к электронному 6
Сборник первый. Загадка на каждый день 7
Я уже большой 7
На полпути к отражению 8
Гимн апельсиновой корке 9
Стараюсь 10
Отношение ложки к супу 11
Средство против уродства окружающих 12
Правота тела 13
Загадка на каждый день 14
Коробок 15
Новичку всегда удивительно 16
Изречённая мысль 17
Магдебургские полушария 18
Тринадцатый эссей 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Этюды о непонятном
Сборник эссе

Виктор Гаврилович Кротов

© Виктор Гаврилович Кротов, 2017

ISBN 978-5-4483-2821-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
На обложке рисунок Анны Кротовой.

От бумажного издания к электронному

Первое издание «Этюдов о непонятном» было первой моей опубликованной книгой. Оно вышло в 1990-м году, в почтенном издательстве «Книга», тиражом в 5 тысяч экземпляров.

Специально я эту книгу не писал. Она стала результатом нахлынувшей на меня волны какого-то странного жанра – вроде бы похожего на эссе, но легко уходившего то в сторону небольшого рассказа, то в сторону зарисовки, то ещё в каком-нибудь направлении. В общем, этюды…

Кажется, уже не было цензуры, но ещё оставалась некоторая осторожность, сформированная советским строем. Под её влиянием я не включил в книгу несколько текстов чисто христианского содержания. Но они постепенно стали публиковаться в периодике и вошли в сборник «Юродство проповеди», который скоро появится в электронном виде. Что ж, у каждой книги своя судьба, и в этом новом издании (тоже электронном) я не стал менять ничего, кроме исправления нескольких мелких текстуальных неточностей. Сохранил даже последний «Этюд о непонятном», хотя с тех приобрёл собственный издательский опыт и прекрасно понимаю, что такое кратность полос в печатном издании и к каким издательским коррективам приходится прибегать для решения связанных с этим проблем.

Автор

Сборник первый. Загадка на каждый день

Я уже большой

«Я уже большой» – ребяческая фраза, инфантильная мысль. Она делает человека не больше, а меньше: он словно приподнимается на цыпочки, и сразу становится видно, как нелегко ему пока дотянуться до настоящих вещей.

Он большой. Ему уже не заморочить голову сказками о чудесах. Ему уже не внушить, что якобы существуют незыблемые истины, немеркнущая красота и непреходящее добро.

Он большой. Он знает, что философия – всего лишь самоуспокоение, а вечность – воображаемый интеграл времени.

Он большой. Он снисходителен к окружающим – как, впрочем, и к себе самому.

Он большой – и он величаво семенит по своей дорожке, не замечая той жизни, до которой еще не дорос, не слыша великого наставления: «Будьте как дети»…

На полпути к отражению

– Хочешь, напишу про что скажешь?
– Напиши про меня
Разговор с дочкой

Картина старого мастера. Потемневший шедевр. Миф о Нарциссе. Он здесь совсем мальчик, ему лет шестнадцать. Он, наверное, красив, судя по телосложению, но лица не видно. Он смотрит туда, где перед ним и перед нами та водная гладь, в которую ему суждено заглянуть. Ему, как и нам, пока виден лишь сверкающий отблеск да бархатный ковер травы, подводящий к живому зеркалу. Мальчик выходит из леса на светлую опушку. Правая рука его коснулась последнего дерева, бугристого ствола одинокого кряжистого дуба, буро-зеленые листья которого напоминают древнюю бронзу. Все тело Нарцисса замерло в угловато-грациозном порыве: сейчас он в несколько шагов окажется на солнечном бережку, отдохнет и напьётся…

Кажется, мы знаем, что ждёт мальчика. Он увидит в холодном глянце себя – и навеки оцепенеет, скованный самыми мучительными цепями на свете: цепями самости, самовосхищения, самолюбви. Подождите! – удерживает нас художник, остановивший Нарцисса на опушке. Ни мы, ни мальчик еще ничего не знаем. Все может быть иначе…

Может быть, он увидит, наклонившись к воде, сошедшее вниз небо, полное голубого света. Увидит отраженный узор ветвей и листьев, которым окаймлен обратившийся в чашу купол. Прочтет слово «свобода», выведенное птичьими росчерками. Заметит синих стрекоз – то падающих к своим отражениям, то застывающих над ними, то уносящихся прочь… Мальчик радостно улыбнется и, напившись, побежит дальше – туда, куда совсем уже не достает наш взгляд…

Может быть, он увидит саму хрустальную воду. Увидит ее тихое течение, приходящее из прошлого и уходящее в будущее. Увидит поросшее водорослями дно, полное таинственной жизни. Увидит стекающий вниз родник, и его журчание погрузит мальчика в задумчивость. И когда Нарцисс встанет, он будет на несколько светлых мыслей глубже и мудрее…

Может быть, увидев свое лицо, он узнает в нем лицо своей матери, словно омытое в живой воде, лишенное морщинок, свободное от забот и усталости. И сердце мальчика забьется чуточку сильнее от любви, от той настоящей любви, узнать которую легко: она дарит силы, а не отнимает их…

Может быть, собственный облик напомнит ему о чем-то неизмеримо важном, что отразилось в нас, как мы отражаемся в воде. И тогда… Тогда нам надо тихо отойти в сторону, чтобы не помешать тому неизъяснимому мгновению, которое может обновить и направить человеческую душу…

Знаем ли мы, что произойдёт через несколько шагов? И действительно ли это тот самый миф о Нарциссе? Какая тайна приоткроется человеку, когда он подойдёт к воде, чтобы напиться?..

Гимн апельсиновой корке

Гимн апельсиновой корке сегодня пою.

Гимн апельсиновой корке, раздавленной грязной подошвой.

Корке, мимо которой я мчался когда-то поспешно, – на побегушках у дел многочисленных резвый рассыльный.

Жаль, что я не поэт, а то так до конца бы и скандировал.

Действительно, спешил я в тот день на работу. Дело было не с самого утра, так что ранний людской прилив уже схлынул. Поэтому я без особых помех несся с той скоростью, которая должна была компенсировать вынужденную гиподинамию умственного работника, – и вдруг… Собственно говоря, никакого «вдруг», с точки зрения внешних событий, не было. Не дрогнув, я продолжал мчаться, как мчался. Происшедшее было мгновенно, и мне даже совестно долго о нем говорить. Но и быстро не скажешь.

Дело в том, что я заметил апельсинную корку. Она лежала на тротуара, и чья-то нога оставила на ней рифленый след. И в тот миг, когда взгляд мой зацепился за эту корку, я всем своим нутром ощутил ее правильность, ее верность, ее разительную точность. Она небрежно валялась на тротуаре – и вместе с тем словно была неведомым расчетом помещена туда. Ее оборванные края, пятна грязи, след подошвы – все было идеально уравновешено. Бетонная бровка тротуара, зернистое полотнище асфальта, подсыхающие сентябрьские лужицы – были безукоризнены; каждая щербинка и трещинка, каждый желтый листик участвовали в расходящемся вширь узоре. Пятиэтажные коробки, плод усталого планово-экономического воображения прежних времен, самой своей беззащитной убогостью добавляли нужный тон в безмолвном оркестре. Нет, не безмолвном. Застывшие в мгновении звуки и запахи улицы: дребезжанье трамвая, урчание, повизгивание и бензиновая гарь автомашин, оживленный говорок прогульщиц из медучилища, сдобное дуновение от приемного окна булочной – все было в точности таким, каким должно было быть. Ни ноты фальши. Облик каждой вещи, лицо каждого прохожего, форма каждого облака на небе… Волны этой филигранной вязи расходились дальше и дальше, охватывая все новые пределы…

Не дрогнув, я продолжал мчаться, как мчался. Много лет прошло с того мгновения. Но до сих пор, стоит о нем вспомнить, душу наполняет непонятная радость. И хочется быть поэтом, хочется искать слова, которые можно было бы вплести в тот случайно приоткрывшийся узор, а значит – и в узор сегодняшнего дня:

Гимн апельсиновой корке сегодня пою!..

Стараюсь

Полезное слово: стараться. Позволяет кое-что понять и кое на что обратить внимание.

Вот Абуль-Фарадж пересказывает слова неизвестного мудреца: «Говорящего о своем презрении к богатству я считаю лгуном, пока он не подтвердит свои слова поведением. Получив такое подтверждение, я могу считать его дураком.»

Но разве презрение к богатству не признак мудрости? Что же это за мудрец, высмеивающий тех, кто презирает богатство? В чем решение предложенного им парадокса? Наверное, в том, что не следует слишком рьяно разглагольствовать о презрении.

В уточнении: стараться. Презираю ли я сам богатство? Нет, к сожалению. Стараюсь презирать, насколько получится…

О богатстве – для примера. У меня никогда не было богатства и, надеюсь, не будет. Так что здесь мне стараться довольно легко. А вот другой пример. Люблю ли я лгать? Нет. Бывает ли, что лгу? Бывает. Моя правдивость называется «стараюсь не лгать». Само по себе это ничего не решает – ведь стараться можно больше или меньше. Зато знаешь, что делать: стараться. Чем больше, тем лучше.

Последний пример. Гениален ли я? Боже мой, конечно же нет! (Чуть было не добавил малодушно: к счастью.) Но можно ли искать настоящие слова, формы, краски или звуки, не ощущая себя гением? Никакого толка от этого, только вред для здоровья, своего и чужого. Необходимо стараться быть гениальным, оставляя свою заурядность – как галоши – у порога творчества, у порога любой работы. По этому поводу вспоминается стишок одного моего оригинальнейшего знакомого. Тот никогда никого не пересказывал, в отличие от нас с Абуль-Фараджем. Говорил исключительно свое. Вот этот стишок:

На гениальность я не сетую:
Сам гений – и другим советую.

Спасибо за гениальный совет. Будем стараться дальше.

Отношение ложки к супу

Можно прожить жизнь рядом с мудрецом, не став лучше. Так ложка, поднося ко рту похлёбку, не знает её вкуса
Из индусской мудрости

Она протянула мне горсть клюквы, и я положил в рот одну ягоду. Ягода была гладкой, мягкой и прочной. Я долго катал клюкву языком по небу и находил это занятие приятным отдыхом после той бурной речи, которую только что произнес. Сам радуясь неожиданной точности сказанного, я удивлялся, что речь эта не произвела особого впечатления. И вдруг клюква лопнула, взорвалась, горячим ароматно-кислым соком ошеломив каждую клеточку рта. Этот волшебный будоражащий сок медленно стекал в горло, и казалось, что одной ягодой можно утолить все свои желания. Но мысли мои отдавали горечью. В который раз уже за свою взрослую жизнь я вспомнил о несчастной ложке, подносящей ко рту похлебку. И произнес это изречение вслух. Произнес – и внутренне съежился от стыда, сообразив, какое распределение ролей предложил своей вечерней собеседнице, которую я любил всей душой и ни за что не хотел обидеть.

Она не обиделась. Она поняла, улыбнулась и отшутилась. Она не имеет ничего против роли ложки, только, пожалуйста, не металлической, а непременно деревянной: теплой и расписной. Она даже настаивает на этой роли. Уж очень она сочувствует бедному супу, которому постоянно грозит разливание, растекание по столу, а то и по полу. Которому необходима кастрюля или миска, но даже там ему суждено остыть и прокиснуть, если вовремя не найдется прекрасной (всегда прекрасной! – хотя не всякий суп это понимает) ложки, способной помочь ему осуществить свое предназначение. Конечно, ложке не дано понять вкус супа (тут она положила в рот несколько ягод, раскусила их и блаженно поморщилась), но это не по ее части. Для нее важнее придать и сохранить супу форму, сберечь его и возвысить – ко рту едока. В этом призвание всякой ложки, и только суповая премудрость может оплакивать такую судьбу…

Я катал по небу очередную ягоду и думал, не грозит ли мне опасность стать клюквенным наркоманом. Ягода лопнула, растеклась, и я снова поразился, какое наслаждение можно получить от этого жгуче-кислого сока.

Средство против уродства окружающих

Бывают дни (биоритмы ли тому причиной или неосторожный шаг против незримых силовых линий жизни), когда все до единого встречные лица кажутся уродливыми. Словно у каждого выступили наружу скрытые пороки. Кругом неприятные, раздражающие карикатурные облики. В таком состоянии, наверное, Гойя писал «Капричос».

Иногда покаянно претерпеваешь это наваждение, чувствуя замутнённость собственного взгляда. Иногда мучительно смакуешь свой кошмар, будто разглядываешь яркую босховскую фантасмагорию. Иногда прячешься в себя, стараясь ни на кого не обращать внимания. Иногда лихорадочно ищешь чьё-нибудь настоящее лицо, которое разрешило бы нахлынувшее заклятье. А иногда вспомнишь – есть средство!

Есть средство.

Того, кто постарше, вообразишь на мгновение своим отцом или матерью. Того, кто поближе к тебе по годам, вообразишь братом или сестрой. Не отвлеченно, не в переносном смысле, а родным, любимым человеком. Кого-то вообразишь старым другом, таким, которого давно уже ни в чем не упрекаешь, а только сопереживаешь его бедам… Не всегда это просто – как не просто вырываться из любого заколдованного круга. Но этим средством стоит постараться овладеть.

И ты возвращаешься из холодного чужого Зазеркалья в свой мир, где у встречных снова лица, а не маски. Там, где виднелось уродство, приоткрывается несчастье. Там, где маячила пустота, угадываешь ожидание и затаенность, под отчужденностью замечаешь усталость, под самодовольством – слабость…

Не всегда легко вспомнить об этом средстве, не всегда легко сделать первое внутреннее усилие. Но если вспомнил, если сумел – насколько светлее идти дальше…

Правота тела

Вспоминаю, когда в первый раз я стал задумываться об этом… Кажется, в тот день, когда произошла история со стеклом. Очень короткая история. Я шел по тротуару – и вдруг отшатнулся к стене дома, сам не понимая, что делаю. А через мгновение на то место, где я шёл, упало большое стекло с верхнего этажа и разбилось вдребезги. Вот и всё. В этот день, попозже, я и подумал, что тело живет своей не совсем понятной жизнью. Это не я, это оно неведомым мне образом почуяло опасность и поспешило уберечься.

Или когда я в деревне окапывал яблоню. Как ни повернуться, мешали работать ветки. А когда я на секунду отвлекся от выбора позы, тело сразу же нашло себе и нужное положение, и единственно правильное движение, при котором можно было развернуться, не задев ни листочка.

Все чаще стал я замечать с тех пор, как тело оказывалось умнее меня. Оно бывало благоразумнее меня, когда надсадным кашлем откликалось на шальное курение. Бывало дальновиднее меня, когда во время болезни теряло аппетит и голоданием приближало выздоровление. Бывало преданнее меня, когда памятью пальцев и кожи хранило верность той, с которой, как мне безнадежно казалось, мы расстались навсегда…

Довольно поздно стал я понимать заботливость тела. Стал понимать, что тело служит колыбелью душе, когда колыбель эта начала расшатываться. Стал понимать, что тело во многом наставляет меня, когда молодость стала отходить в область воспоминаний. Когда что-то в наших отношениях с телом заметно изменилось.

Изменилось само тело. Оно было услужливым, теперь его приходится уговаривать. Было расторопным, теперь позволяет себе лениться. Было заботливым, теперь требует заботы о себе. Оно заряжало душу молодой энергией, теперь все чаще душа должна подбадривать его и вдохновлять. Теперь оно приучает душу к самостоятельности, становясь все более вялым, все более бестолковым. Я сочувствую ему, посмеиваюсь над ним и помогаю ему, насколько умею. Но его природная мудрость еще не угасла, и я все больше дорожу его неожиданными уроками, его тонкими поучениями. Даже обветшание его не кажется случайным: пригашает привязанность, отстраняет, готовит…

Загадка на каждый день

Ветер – пение
Кого и о чём?..
Хлебников

Одного своего приятеля я пугаю так. «Ззз…» – говорю. И он трепещет. А я ломаю голову: ну чего же он так боится? И продолжаю. «Ззз…» – говорю. – «Зззагадку о себе разззгадываешь?..» Он аж дымится на мою дразнилку.

А я, действительно, и в этот раз завожу разговор о загадке на каждый день. Мол, для любого человека какой-то замысел о нём существует. И даже не какой-то, а скорее всего гениальный, единственно для этого человека подходящий. И если этот замысел разгадать, то можно было бы свою жизнь прожить самым гениальным образом. Не то чтобы непременно гением стать (не каждому из нас, наверное, этого захочется), а прожить с гениальной выразительностью каждый день или час, загадка которого верно разгадана. Может быть, даже каждая минута и каждая секунда имеют свою разгадку. Только вот разгадывать нам чаще всего лень. Проще притвориться, что как получилось прожить неделю или месяц – примерно так и надо было. О секундах и думать смешно… Приятель мой прямо места себе не находит. На все остальные мои выдумки только посмеивается, в ответ на эту – негодует и вибрирует. Опровергнуть меня пытается, хотя что же опровергать, когда никакой логики во всём этом нету. В нелепостях меня уличает, провозглашает разницу наших мировоззрений. А мне всё любопытно: чего же он тут пугается? То ли думает, что я на его свободу разговором о загадках-разгадках покушаюсь, то ли он лучше меня чувствует, как от собственной судьбы отошёл, и ему ещё больнее неразгаданный день прожить… Может, я наконец что-то стоящее случайно придумал?..

Коробок

Памяти отца

– Так и только так, говоришь? – Узловатой почерневшей рукой он выгребает из прорванного гвоздями кармана дежурную коробку спичек. Желтые от табака пальцы держат коробок ко мне лицом, красной этикеткой с противопожарным призывом. – Какого цвета?

– Красный. Буквы белые.

– Синий.

– Ну, разве что по краям полосочки…

– Синий.

– Ну я же вижу, что красный.

– А я вижу, что синий. – Коробок на секунду разворачивается обратной стороной, чтобы мне посмотреть, и тут же принимает прежнее положение. – Для меня синий.

– Да, для тебя синий.

– Вот так и всякая наша истина в жизни. С какой стороны смотреть.

Старея, он все больше врастал в землю и все больше тянулся изнутри к небу. В светлой березовой роще или в мрачном чернолесье, где он со своей седой бородой и развевающимися космами напоминал лешего с билибинской картинки, он вдруг тихо и яростно запевал духовный гимн. И лес вокруг него становился храмом.

– Сколько же ты их помнишь, этих гимнов?

– Сотни две, не меньше. В детстве меня мама часто к баптистам водила.

– А теперь ты как их поешь: просто как песни? Похоже, что по-другому.

– По-другому. Пою земле, лесу, небу. Жизни.

– Богу тоже?

– Его с моей стороны не видно. Но и отрицать не берусь. Церковников, попов не люблю, это да. На это у меня причин достаточно. А жизни, природе – любые гимны пропеть готов. Умереть я только зимой могу, когда все вокруг в сугробах, когда нельзя на земле работать.

…Январский приглушенный день. Последние часы его жизни. Он уже выкурил последнюю свою сигарету. Не выкурил – пару раз затянулся, когда ее поднесли к его губам. Он перестал есть и пить. Он перешагнул тот порог, на котором прекращается общение с живыми. Но что-то еще – или уже – не давало ему покоя. Что-то он хотел сказать перед уходом, но речь его прекратилась. Только высохшая узловатая рука время от времени приподнималась и показывала наверх. Словно жизнь повернулась к нему новой стороной, и это было важно.

Новичку всегда удивительно

Вот и мне, давнему почитателю фантастики, разрешено побывать в прошлом. Недолго, всего несколько троллейбусных остановок прокатиться. Зато рядом со мной, у окошка (да-да, вспоминаю, всегда у окошка) сидит с открытой книгой столь знакомый и столь неизвестный мне теперь подросток – худой, долговязый и невзрачный, в коричневом берете и в черном драповом пальто, перешитом из дедушкиного (да-да, и полы его всегда путались в ногах при быстрой ходьбе). Мне, правда, не позволено выходить из роли попутчика, зато я слышу мысли, рассеянные среди фраз мелвиллского «Моби Дика».

«Новичку всегда удивительно, с какой привычной и бессознательной ловкостью сохраняет равновесие китолов, стоя в своем вельботе, который швыряют со всех сторон буйные и своенравные кипучие волны…» Интересно, на вчерашней вечеринке Наташка действительно притворялась, что я ей до лампочки, или в самом деле… Притворялась, наверно. Как же, как же: «На людях надо вести себя картинно…» Но провожал-то ее я. И руку не сразу отняла… Отличная у нее рука – гладкая, теплая… Вообще она красивая… Интересно, смогу я поцеловать ее в следующий раз?.. Трудно: только подумаешь, сразу сердце колотиться начинает… Но, по-моему, она сама этого ждет… Это, наверно, здорово – целоваться…

– Молодой человек, как же вы над такой интересной книгой заснули! Вы свою остановку не проедете?

– Спасибо, мне до конца.

– Тоже мне – забота о ближнем. Проехал бы, подумаешь. Мое личное дело. «Новичку всегда удивительно, с какой привычной и бессознательной ловкостью…» Еще бы – только три часа ночью спать, после этого и в троллейбусе разморить может. Днем почему-то стихи не пишутся… Да еще зачет какой-то по алгебре на сегодня назначили. Интересно, чем зачет от экзамена отличается? Кажется, отметок не ставят… Говорят, в институте все время зачеты бывают… Здорово, наверно, студентом быть…

– Приехали, молодой человек.

– Спасибо.

Неужели я взрослый таким же настырным буду? Подумаешь, задремал…

Изречённая мысль

«Мысль изречённая есть ложь». Тютчевское откровение стало расхожей аксиомой.

Но попробуем приглядеться к мысли до её изречения. Не удастся. Неуловимая, туманная, недодуманная, она обманчивее во сто крат. Она вроде бы есть, но её еще нет. С неё взятки гладки и спрос невелик.

Словесное выражение мысли отважно. С ним можно сразиться, его можно уничтожить – и оно готово к этому риску. В этой готовности к бою, в этом выходе в открытое поле общения – правота любой фразы, даже самой косноязычной, даже самой ошибочной, даже самой странной.

Неизречённая мысль очаровательна, пикантна, загадочна. Это нечто многообещающее, но всегда готовое ускользнуть в недосягаемые лабиринты подсознания или просто раствориться в ноосфере.

«Мысль изречённая есть ложь». Что за строка! Она соблазнительна и вместе с тем точна. Она содержит в себе и яд и противоядие. Ведь сама она тоже – изречённая мысль.

Магдебургские полушария

Марии Романушко

Могучие неутомимые лошади на картинке в учебнике физики все пытаются и все не могут разнять, отдернуть друг от друга эти загадочные полушария. Между полушариями ничего нет. Они срослись, стали единым целым. Все, что давит на них снаружи, только плотнее прижимает их друг к другу. Так и будет, пока бесстрастный экспериментатор не откроет какой-нибудь специальный клапан. Пока внешнее давление не вторгнется между полушариями. Если это произойдет, не понадобятся и усилия могучих битюгов. Полушария распадутся, равнодушно отвалятся одно от другого. Лишенные своей чудесной тайны, они пусты и открыты всему, ни в чем не нуждаясь. И растерянные лошади обнюхивают их в недоумении: где же та сила, которая сопротивлялась могучему напряжению?..

«Магдебург» надо произносить с ударением на первом слоге. Это большой промышленный центр на реке Эльбе. О нем можно прочитать в энциклопедии. Даже, наверное, можно туда съездить. Почему же так таинственно звучит: «магдебургские полушария» (с ударением на третьем слоге)? Здесь скорее слышится нечто магическое, сказочно-магрибское, чем промышленное или научное. И в памяти эта картинка держится вовсе не как напоминание о существовании атмосферного давления. Словно между этими полушариями не вакуум, а что-то важное, жизненное, насущное – и до конца не улавливаемое.

Можно было бы перенести эту картинку из учебника физики в учебник жизни, в ту его главу, где говорится о близости двух людей, где приведены знаменитые усталые строки Ахматовой: «Есть в близости людей заветная черта…». И лошади, безуспешно растаскивающие этот шар из полушарий, будут снова и снова напоминать о том, что близость и единство не в переходе всех и всяческих черт, а в том, чтобы ничего не было *между*. Тогда никакие силы на свете не смогут разнять, отдернуть друг от друга слившиеся половинки шара. Они срослись, стали единым целым. Все, что давит на них снаружи, только плотнее прижимает их друг к другу…

Тринадцатый эссей

Совершенно вне всяких суеверий, исключительно на основании опытных данных, приходится признать, что тринадцать число странное. Случаются опечатки и на двенадцатой странице и на четырнадцатой. Но почему-то именно на тринадцатой опечатка выглядит особенно подозрительно. Будто кто под руку толкнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.